

Журнальный экземпляр

2010-5  
8717 а

Учреждение Российской академии наук

Институт философии РАН

**ФИЛОСОФИЯ**

**ПОЛИТИЧЕСКОГО ДЕЙСТВИЯ**

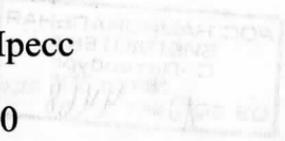
**из истории левой политической мысли**

**XX века**

Москва

Идея-Пресс

2010



3266 834

2010-5

8717

УДК 347.1  
ББК 67  
Ф56

Книга выполнена в секторе истории политической философии  
Института философии РАН

Ответственный редактор: д.полит.н. Е.А. Самарская;  
научно-вспомогательная работа: И. Нежелская, В.И. Солонникова.

**Ф56** **Философия политического действия.** Из истории  
левой политической мысли XX века. — М.: Идея-Пресс,  
2010. — 272 с.

ISBN 978-5-903927-17-3

Первую половину XX века отличает громадная концентрация по-  
литического насилия — две мировые войны, праворадикальные пере-  
вороты в Европе и социалистические революции.

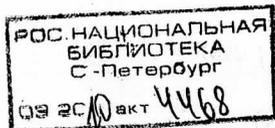
В качестве важных, но не единственных, причин приходящегося на  
это время взрыва насилия рассматриваются теории и практики левого  
и правого радикализма.

Центральным для книги является вопрос о природе русской рево-  
люции 1917 г. и то противостояние ей, которое олицетворяли западные  
социал-демократы и теоретики других политических направлений.

УДК 347.1  
ББК 67

- © Баллаев А.Б., 2010
- © Ерохов И.А., 2010
- © Мочкин А.Н., 2010
- © Мысливченко А.Г., 2010
- © Мюрберг И.И., 2010
- © Пантин И.К., 2010
- © Самарская Е.А., 2010
- © Федорова М.М., 2010
- © Шевченко В.Н., 2010
- © Яковлева А.Ф., 2010
- © Идея-Пресс, 2010

ISBN 978-5-903927-17-3



## СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие.....5

### Часть 1.

#### Индустриальный мир и социальная наука

1.1. Социальная наука и политическое действие  
*Е.А. Самарская*.....15

1.2. Буржуазная наука Макса Вебера  
*И.А. Ерохов*.....40

### Часть 2.

#### Философские основы левой революции

2.1. Владимир Ленин как политический мыслитель *Плех.Г.В., О НЕМ*  
*И.К. Пантин*.....69

2.2. Философия революции в марксизме начала XX века  
*А.Б. Баллаев*.....102

2.3. Иосиф Сталин:  
Мобилизационный тип развития и его исторический смысл  
*В.Н. Шевченко*.....131

2.4. Правый радикализм как аналог левого радикализма  
*А.Н. Мочкин*.....151

### Часть 3.

#### Взаимосвязи социал-реформизма и левого радикализма

3.1. Политическая философия  
европейского социал-реформизма  
*А.Г. Мысливченко*.....169

3.2. Британский социализм начала XX века:  
проблема революции  
*А.Ф. Яковлева*.....193

2390

## Часть 4.

### Философия свободы в борьбе с тоталитаризмом

<b>4.1. Феноменология политического действия</b> <i>М.М. Федорова</i> .....	211
<b>4.2. Карл Поппер: теория социальной инженерии</b> <i>И.И. Мюрберг</i> .....	235
<b>4.3. Антонио Грамши: набросок истории будущей политики</b> <i>И.А. Ерохов</i> .....	256
Информация об авторах.....	271

## ЛЕНИН КАК ПОЛИТИЧЕСКИЙ МЫСЛИТЕЛЬ

Интерес к фигуре В.И. Ленина — выдающегося политика и мыслителя не пропадал, начиная с Октября 1917 г., когда большевики захватили власть в России. С тех пор внимание к нему с преобладанием то разоблачительных, то апологетических моментов не ослабевает. Как это часто бывает в истории, каждая эпоха заново и по-своему перечитывает и редактирует Ленина, обнаруживая в нем либо образцы политического действия, достойные подражания, либо предмет для беспощадной критики. Это свидетельствует, думается, с одной стороны, о значении для России проблем, поставленных в свое время русской революцией и Лениным, с другой — о краткости исторической дистанции, которая отделяет нас от советского прошлого. О роли Кромвеля, Робеспьера мало кто спорит в Англии и Франции, мы же в России до сих пор не можем «определиться» с Лениным, несмотря на тысячи работ, посвященных его творчеству и политической деятельности.

Есть одно обстоятельство, которое порождает и непонимание, и неприятие идейного наследия Ленина. Дело в том, что стараниями писателей и публицистов эпохи 80-х—90-х гг. прошлого века ленинское наследие вошло в широкое общественное сознание и, отчасти, в научную мысль в том виде, который придал ему И.В. Сталин — человек, использовавший идеи Ленина для обоснования кровавого тоталитарного режима. Сталину, особенно в борьбе с «уклонистами», было выгодно изображать себя «верным ленинцем», «продолжателем дела великого Ленина» и т.п. Если старое поколение большевиков еще чувствовало эту подтасовку (*понимали* только единицы), то идейная сумятица 1990-х гг. окончательно закрепила подобного рода аберрацию: Сталин был признан единственно верным истолкователем ленинского учения. В результате вождь Октябрьской революции, выдающийся политический мыслитель оказался приниженным до интеллектуального и человеческого уровня наследовавшего ему «кремлевского горца» (О. Мандельштам). Сегодня, разумеется, нелепо говорить о случайности фигуры Сталина — «необязательный» в событиях 1917—1920 гг., он делает себя «необходимым» после смерти Ленина, когда ленинский курс (= советское государство как регулятор общественно-экономической жизни) под влиянием политических и экономических трудностей был сначала поставлен под вопрос, а затем и вовсе оставлен. В партии победил сталинский курс на огосударствление всей экономической и общественно-культурной жизни страны. Другими словами, успех и победа Сталина были предопределены *поражением* идей и политики Ленина, поражением, которое его наследник превратил в свой единоличный и единоподержавный «позитив». Впрочем, людей, для которых Октябрьская революция — всего лишь предмет морального осуждения, такие исторические «тонкости» мало интересуют...

Если рассматривать исследовательскую литературу о Ленине, то выясняется, что у разнородных по происхождению и намерениям версий характера

«ленинизма» противопоставляемого «классическому» марксизму XIX в. есть общая черта — представление о том, что новое и собственно ленинское относится по преимуществу, если не исключительно, к сфере *осуществления*, к сфере практического действия. Что же касается теории, а уж тем более философии марксизма, то, по мнению многих, ленинский вклад здесь исчезающе мал, если вообще имеет место. Между тем, со стороны мысли, как будет показано в этой статье, ленинское прочтение марксизма продолжает интеллектуальный прорыв, совершенный К. Марксом и Ф. Энгельсом в XIX в., продолжает, не повторяя, а обогащая их теорию исторического развития новыми эпистемами, моделями, приемами анализа. Правда, для того чтобы понять это, надо разобраться в когнитивном статусе ленинской теории.

Говоря о Ленине, мы не имеем права забывать, что он был *политическим мыслителем*, не философом, не социологом, не экономистом, а прежде всего и главным образом политическим мыслителем. Для нас это означает необходимость учета специфической природы политической теории. Напомним, что в отличие от естественных наук, где знание по своему характеру является «бессубъектным», политическая наука не только включает в свой предмет человека, его волю, сознание, способности и т.п., но и конституирует их в качестве определяющего момента. Картина реальности для политической теории не исчерпывается знанием объекта «самого по себе». В нее входит, причем, на правах важного фрагмента *должное*, исходя из которого оценивается наличная действительность. Констатируя расхождение реального бытия и сферы должного, политический мыслитель стремится выработать определенные принципы-нормы, которые бы ориентировали людей на изменение действительности или, по крайней мере, на оптимизацию соотношения действующих сил. Как писал А. Грамши, в политическом учении «сам философ, понимаемый как индивидуум или как целая социальная группа, не только постигает противоречия, но и берет себя как элемент противоречия и поднимает этот элемент до принципа познания, а, следовательно, действия»<sup>1</sup>. Таким образом, «политические предметы», равно как и тот «фрагмент» общественной жизни, в пределах которого политика осуществляется, задаются «субъективно» — особой духовно-практической деятельностью людей, ориентированной на изменение существующего порядка дел.

Это краткое разъяснение природы политического знания понадобилось нам для того, чтобы очертить ведущее противоречие ленинского типа мышления, которое заключается, по нашему мнению, в необходимости согласования точки зрения ученого-марксиста, изучающего то, что объективно, закономерно совершается в реальности, с позицией политического мыслителя, выступающего действующим лицом в российской исторической драме. И не случайно в ленинском политическом мировоззрении проекция экономического детерминизма, считавшаяся среди последователей Маркса неперменной основой истолкования исторических событий, дает своего рода сбой, осмысливается как слишком узкая (или слишком широкая) рамка для того, чтобы

охватить своеобразие конкретной общественной ситуации и выстроить соотношение с ней политическую тактику русской социал-демократии.

Если попытаться в немногих словах и, разумеется, предварительно сформулировать содержательный вклад Ленина в марксистскую теорию, то он, по-видимому, будет заключаться в следующем: Ленин расширил научное поле, отведенное марксизмом для теории буржуазной революции. Это было сделано, с одной стороны, путем анализа специфики социальной, экономической и политической ситуации в России, с другой — за счет учета изменившихся условий всемирно-исторического развития. Он первый среди марксистов осознал, что «формационная парадигма» недостаточна для понимания природы русской буржуазной революции XX в., что ее результаты не в последнюю очередь определяются характером социальных сил, участвующих в перевороте, и действительностью, которую они творят наравне с создаваемой ими культурой. Мы не случайно заостряем внимание читателя на термине «буржуазная революция» — проблема перехода к социализму не получила да и не могла получить ни теоретического, ни практического решения в России начала XX в., что бы ни думал о ней Ленин. Осмысление НЭПа было лишь первой, черновой, наметкой, не более того, новых путей социального прогресса стран, подобных России, уже не буржуазного в «классическом» смысле этого слова, но еще и не социалистического. В этом смысле Сталин отнюдь не строил социализм в нашей стране по «ленинским чертежам», как утверждают некоторые. То, что было создано в СССР под руководством Сталина — тоталитарное государство, отделенное от общества и диктующее ему свои нормы, всеобщее огосударствление экономики, социальной жизни и культуры — являлось отрицанием ленинских замыслов и ленинской политической практики. Грозная сила революции, волны энергии, энтузиазма, которые она вызвала к жизни, утопические образы будущего, воодушевлявшие людей на борьбу, — все это было преобразовано сталинским режимом в гигантскую машину материального созидания и политического террора, культурного подъема угнетенных масс и разрушения старой, якобы дворянско-буржуазной культуры, наконец, в укрепление самодержавного государства за счет прерогатив общества.

И еще одно разъяснение, относящееся к предмету анализа. В противовес представлению о *кумулятивном* характере развития теоретического знания (в отношении к Ленину это проявлялось в расхожей формуле: «применение идей Маркса к конкретным историческим условиям») мы исходим из того, что привлечение содержания теории в каком-то новом плане не сводится к перекомбинации и преобразованию элементов имеющейся доктрины, а неизбежно сопровождается изменениями, никак не вытекающими из логической формы исходного знания. Логическое преобразование теоретически созерцаемых отношений капитализма и раскрытие внутренней связи и строения капитала, которые без этого преобразования невозможно выяснить — предмет исследований Маркса — сменяется у Ленина специфической мыслительной реальностью: выявлением того, как в конкретной исторической практике

<sup>1</sup> Грамши А. Избр. произв., т. 1—3. М., 1957—1959. Т. 3. С. 59.

происходит формирование нового, активного отношения общественного субъекта (пролетариата) к действительности.

Как продолжатель Маркса, Ленин открывает новую страницу в историческом развитии марксистской теории. Благодаря его трудам преимущественно европейская составляющая марксизма (вспомним, что Маркс определял свое учение как «исторический очерк возникновения капитализма в Западной Европе»<sup>2</sup>) развертывается во всемирно-историческую. Более того, через Октябрьский перелом 1917 г. в России относительно однотипная европейская революционность превращается в мировой революционный процесс с громадным многообразием типов и форм последнего. Уже одно это делает Ленина выдающейся фигурой истории XX века.

В основу понимания ленинского вклада в марксизм автор статьи положил идеи А. Грамши и наработки группы марксистов, опубликованные в 1969 г. в книге «Историческая наука и некоторые проблемы современности», объявленной в СССР сразу же после выхода в свет крамольной и антисоциалистической. Ряд положений, относящихся к характеристике типа ленинского мышления, были сформулированы автором в статьях и коллективных трудах.

**Возникновение большевизма.** Большевизм, как течение политической мысли и как политическая партия, существует с 1903 г., т.е. со времени раскола русской социал-демократии на II съезде РСДРП. Удивителен не факт расхождения среди русских социалистов, они существовали и до съезда. Удивительно другое: в общем-то второстепенное разногласие по пункту первого Устава партии (Ленин на съезде согласился, что по его формулировке «можно поторговаться») превратилось в конфронтацию двух позиций в РСДРП.

Размер статьи и, главное, ее тема не позволяют нам рассмотреть в историческом плане перипетии борьбы внутри русской социал-демократии на II съезде РСДРП и после него. Ограничимся здесь лишь утверждением, что расхождение между Г.В. Плехановым и В.И. Лениным, меньшевиками и большевиками с самого начала носило *принципиальный* характер, хотя последний и не сразу был осознан враждующими сторонами. Раньше всех В. Засулич почувствовала, насколько отличен от общепринятого тип мышления Ленина. Отметим один любопытный факт. В разгар подготовки программы РСДРП, когда оппоненты (Г. Плеханов и В. Ленин) бились за каждую формулировку (вычеркнуть, поправить, изменить), она написала Плеханову, П. Аксельроду и Л. Дейчу: «Между Вашим марксизмом и марксизмом не одного В.И. (Ленина. — *И.П.*) — он только систематичнее и увереннее других — есть некоторая разница..., но она такого сорта, что вычеркивание отдельных мест посредством втировки — плохое оружие в борьбе с ней»<sup>3</sup>. Обратим внимание: «Ваш» марксизм (т.е. Плеханова) и марксизм Ленина. Суть различия Засулич еще ухватить не может, но она уже пророчит несомненное падение и борьбу между ними.

Какое-то время споры между ними по организационным вопросам квалифицировались в качестве своего рода «детской болезни», которую в свое время переживали все европейские социал-демократические партии. Однако шаг за шагом выясняется, что марксиста Ленина отделяет от марксиста Плеханова нечто более существенное, а именно — признание возможности такой буржуазной революции, которая не ограничивается приспособлением политических институтов к потребностям сложившегося буржуазного общества, а идет гораздо дальше, к удовлетворению базовых нужд большинства населения, крестьянства, прежде всего. Другими словами, Ленин и большевики исходили из того, что в России сложилась специфическая историческая ситуация, не предусмотренная «классическим» марксизмом, опиравшимся на опыт европейских буржуазных революций.

В самом деле. В Западной Европе, прежде всего по Франции, пролетарская революция натолкнулась на непреодолимую преграду — на сопротивление большинства нации, крестьян и мелких буржуа. В середине XIX в. Маркс еще уверен, что перспективы не безнадежны: «... интересы крестьян находятся уже не в гармонии с интересами буржуазии, с капиталом, как было при Наполеоне, а в непримиримом противоречии с ними»<sup>4</sup>. Последующий ход событий, в частности Парижская коммуна, опроверг эти надежды. Борьба французского пролетариата против капитала так и не стала общенациональным содержанием революции... «Во Франции как и в большинстве континентальных стран — констатирует Маркс после поражения Парижской коммуны, — существует глубокое противоречие между... промышленным пролетариатом и крестьянством»<sup>5</sup>. В отличие от стран Западной Европы в России в начале XX в. сложилась ситуация, когда интересы массы крестьян, ограбленных реформой 1861 г., вошли в противоречие не только с интересами помещиков и самодержавия, но и с интересами части буржуазии. В этих условиях впервые в истории появилась возможность направить крестьянское движение в русло борьбы против существующего буржуазно-помещичьего строя, т.е. используя выражение Маркса, дополнить пролетарскую революцию «вторым изданием» крестьянской войны. Именно то или иное отношение к складывавшейся, новой по европейским меркам общественной ситуации, разделило русскую социал-демократию на меньшевиков и большевиков.

На первый взгляд, проблема не кажется столь уж острой, а тем более трудно разрешимой. Но это только на первый взгляд. Дело в том, что Россия в начале XX в. продолжала эпоху буржуазных преобразований, тех, с которыми Европа покончила в основном в XIX в. Опыт европейских стран свидетельствовал: буржуазные преобразования решались в ходе революций, в которых буржуазия («третье сословие») играла ведущую роль. Меньшевики резонно — с точки зрения западноевропейского политического опыта — полагали, что так дело будет обстоять и в России, с той лишь поправкой, что пролетариат в предстоящей буржуазной революции займет самостоятельную позицию. Рус-

<sup>2</sup> Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Изд. 2-е. Т. 19. С. 120.

<sup>3</sup> Архив Дома Плеханова. В. 187. 120.

<sup>4</sup> Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Изд. 2-е. Т. 8. С. 21.

<sup>5</sup> Там же. Т. 17. С. 556.

ская буржуазия, понимал Плеханов, конечно, «умеет извлекать пользу из существующего самодержавного режима и потому не только поддерживает некоторые его стороны, но и целиком стоит за него в известных своих слоях...»<sup>6</sup>. Однако он уверен: долгосрочные интересы буржуазии возьмут, в конце концов, верх, и она сумеет принять участие в «своей» буржуазной революции.

Позиция Ленина была иной. Для него фактор политической самостоятельности рабочего класса являлся решающим для понимания движущих сил предстоящего переворота. В ходе революции, уверен он, городская буржуазия в силу классово-сознательных выступлений рабочих не сможет проявить себя так, как проявляла она себя в европейских революциях. Ее тактика сведется к ограничению размаха революционных преобразований, к сделкам с царизмом за счет народа. Словом, как во всех революциях, буржуазия попытается таскать из печи «каштаны политического освобождения» только для себя. Но главное заключается в другом. Из всех классов российского общества только мелкобуржуазное крестьянство способно, по его убеждению, идти в буржуазных преобразованиях до конца, т.е. до низвержения самодержавия и радикального решения аграрного вопроса. Поэтому *революционное* решение назревших проблем связано не с поддержкой либеральной буржуазии (как союзник рабочего класса она ненадежна, при каждом повороте событий будет стремиться к компромиссам с самодержавием), а с организацией «левого блока» социал-демократии с крестьянскими, народническими по идеологии, партиями.

Когда-то в конце XIX в. Плеханов произнес вещие слова: *революционное движение в России может восторжествовать только как движение рабочих, другого выбора быть не может*. Автор этого положения не знал, что высказывает нечто новое не только по сравнению с народниками, но и по сравнению с Марксом и Энгельсом. В конкретных условиях России начала XX в. это означало совершенно новый взгляд на содержание задач социал-демократии и рабочего класса (организация всех социально-революционных — в противовес реформистским — сил города и деревни для натиска на самодержавие), что повлекло за собой и видоизменение отношений пролетариата и буржуазной демократии. Новое в содержании задач пролетариата заключалось, по Ленину, прежде всего в переводе задач, решенных в свое время Европой и Северной Америкой, на другую почву, при иной, более высокой и изменяющейся группировке общественных сил. Новое заключалось в невозможности очиститься от Средневековья, завоевать основное условие для прогресса страны, не затронув уже в ходе буржуазных преобразований некоторые самые отсталые ретроградные формы капитализма. Новое — в невозможности высвободить колоссальные источники революционной энергии народа, оставаясь в пределах идей и средств старых революций. Наконец, новое касалось и передвижки внутри демократической коалиции — справа налево. Эта передвижка в XX в. означает, по Ленину, нечто иное, чем то, что было в буржуазных революциях прошлого. Она совершается в виде движения и ступеней развития рабочего класса, вступающего в союз с другими не господствующими

классами и слоями населения, с крестьянством в первую очередь. К тому же, был уверен Ленин, рабочий класс России будет иметь поддержку социалистического пролетариата более развитых стран, который «стоит во всеоружии накануне последней схватки с буржуазией»<sup>7</sup>.

Нас здесь не интересует заблуждение Ленина, общее со всеми марксистами той эпохи, связанное с преувеличением социальных добродетелей рабочего класса. История поправит в данном пункте всех марксистов, и русских, и европейских. Что касается России, то она заплатит за такое заблуждение высокую цену.

Новое понимание характера русской буржуазной революции трансформировалось у Ленина в новую политическую тактику: борьба с либералами за политическую гегемонию в русской революции, поддержка радикальных требований крестьянства вплоть до национализации земли, признание возможности овладения властью в условиях буржуазного экономического переворота («диктатура пролетариата и крестьянства»). Надо ли удивляться, что подобного рода новации встретили решительное сопротивление меньшевиков. Существует афоризм: «В споре рождается истина». К сожалению, этот афоризм часто неприменим к сфере политики: политический спор не рождает истины; скорее, он ее затемняет. Причина в этом случае связана с извечным противоречием, о котором писал А.И. Герцен: истину, как правило, отвергают за то, что она *«не вся истина»*. Борьба английских тред-юнионов, казавшаяся Марксу и марксистам малозначимой и несущественной с точки зрения социалистического переворота, приобрела важное значение как фактор, способствовавший переходу капитализма в новое состояние, о чем одним из первых догадался Э. Бернштейн. Борьба английских рабочих за свое экономическое положение стала могучим средством «воспитания» собственной буржуазии, с одной стороны, и стимулом для перехода всего комплекса отношений «наемный труд—капитал» на новый более высокий уровень. Впоследствии в десятых годах XX в. Ленин будет именно так оценивать значение профсоюзной борьбы, но и тогда не признает относительной правоты Бернштейна. Что касается оценки им роли профсоюзов после Октябрьской революции, то в этом случае он пошел назад, профсоюзы для него превращаются в «приводной ремень», связывающий партию с рабочими.

Нечто похожее можно было наблюдать и в спорах между меньшевиками и большевиками.

Ни один тип общественно-политической эволюции, доказывал Ленин, не способен исчерпать того, что может происходить в реальном историческом процессе, даже тот, который был проанализирован «самим Марксом». Каждая страна в каждый исторический момент являет конкретное равновесие общественных сил. Поэтому данные, полученные в определенных условиях не могут охватить картину общественных изменений в данной стране, в данной революции. В ответ Ленин получал от меньшевиков обвинения в отступлении от марксизма, пренебрежении опытом рабочего движения. Ленин отдавал

<sup>6</sup> Плеханов Г.В. Полн. собр. соч. Л.-М., 1926. Т. 2. С. 203.

<sup>7</sup> Ленин В.И. Полн. собр. соч. Изд. 5-е. Т. 12. С. 363.

себе отчет в том, что «прусская» помещичье-реформистская разновидность капиталистического развития, имела явное преимущество стихийной экономической, а частью и политической силы. Между тем реализация «американской», революционной возможности была возможна лишь как изменение «слепого хода» развития действиями рабочего класса, народных масс. В ответ он слышал от Плеханова упреки в переходе на народническую точку зрения. «Ленин смотрит на национализацию глазами социалиста-революционера (эсера. — И.П.). Он начинает усваивать даже их терминологию, так, например, он распространяется о пресловутом народном творчестве. Приятно вспомнить старых знакомых, но неприятно видеть, что социал-демократы становятся на народническую точку зрения»<sup>8</sup>. Конечно, попытки обвинить Ленина в отступлении от марксизма безосновательны. Никаких точек соприкосновения у Ленина с народничеством в отношении исторической миссии пролетариата не было. Вопрос в другом. Ленин отстаивал ту точку зрения, что вовлечение крестьянства в революционную борьбу расширит пределы возможного в борьбе со старым, полукрепостническим строем, явится основой осуществления «американского» пути развития в противовес «пруско-юнкерскому».

Впрочем, и Ленин далеко не всегда слышал своих оппонентов. Социал-демократ, доказавший, что социалистическое сознание *вносится* в пролетарскую среду передовой интеллигенцией, казалось, должен был бы особое внимание обращать на проблему социалистического воспитания рабочего класса России. Однако, как человек политического действия, Ленин не придавал особого значения предупреждениям Плеханова на этот счет, наивно полагая, что участие рабочих в революционной борьбе стократно ускорит политическое воспитание рабочего класса в социалистическом духе. Октябрьский переворот 1917 г. и последующие за ним события (гражданская война, НЭП) покажут, насколько ошибался Ленин. И так слишком краткое и потому поверхностное знакомство русских рабочих с идеями социализма (речь, разумеется, не идет о знакомстве партийной интеллигенции с учением социализма) сменяется в это время плебейски-уравнительным пониманием социалистических преобразований.

В советское время водораздел между Плехановым и Лениным проводился, как правило, по линии: оппортунист—революционер. Однако родоначальник марксизма в России никогда оппортунистом не был. Он как лидер меньшевизма, представлял другую, нежели ленинская, тактическую и стратегическую линию социал-демократии в русской революции. Сегодня принципиальное различие их взглядов кое-кто пытается определить как противоположность «науки» и «идеологии»: Плеханов де ближе к «науке», Ленин — к «идеологии». На деле их различие как, и различие политической тактики меньшевиков и большевиков идет по другой линии и имеет иные, более глубокие корни. Для Плеханова и меньшевиков буржуазный характер русской революции предопределял все: и отношение к либеральной буржуазии, и

понимание крестьянского вопроса, и тактику социал-демократов в эпоху буржуазных преобразований. «Вместе быть и врозь идти» — этот афоризм, по мнению Плеханова, выражал своеобразие политического положения и политической борьбы пролетариата в русской буржуазной революции. Правда, это положение очень быстро было истолковано меньшевиками как борьба социалистических рабочих с самодержавием *вместе с либералами* и «городской демократией». Даже тогда, когда крестьянский характер русской революции выявился более или менее отчетливо, Плеханов отстаивал правомерность своей формулы блока с кадетами (а не с крестьянскими партиями) ссылкой не на то, что социал-демократ делает буржуазию «орудием пролетариата». «Мы стоим не на национальной, а на классовой точке зрения... Мы думаем, что пролетариат, этот носитель великой идеи нашего времени, может топтать ногами все *отжившее* и пользоваться всем *существующим* для своей великой цели»<sup>9</sup>. По отношению к *будущему*, к пролетарскому социализму, уверен Плеханов, враждебны все — и крупные, и мелкие буржуа. По отношению же к *настоящему*, к борьбе против царизма, за конституционный строй, все политические силы, кроме, разумеется, отпетых монархистов способны и должны послужить оружием в руках пролетариата. В определенном смысле либеральная буржуазия даже «удобнее» для пролетариата, поскольку она выступает за конституцию и вместе с тем откровенно враждебна социализму в отличие от народнических партий.

Как и Плеханову Ленину чужды всякие попытки искать революционное решение российских проблем на ином пути, чем тот, который создавался развитием капитализма. Но там, где Плеханов и меньшевики ставили точку — *буржуазный* характер крестьянской революции, для Ленина начиналась проблема. Мелкое хозяйство в деревне, соглашался он с меньшевиками, неизбежно уступит место крупному, современному. «Патриархальное крестьянство, живущее трудами рук своих при системе натурального хозяйства, осуждено на исчезновение, но *вовсе не "обязательно"*, не «*имманентным*» законом общественно-экономической эволюции осуждено на пытки «*выколачивания податей*» и *розги, на муки затяжного, ужасающего своей длительностью вымирания голодной смертью*»<sup>10</sup> (Курсив мой. — И.П.). Является ли «историческим долгом» пролетариата внести поправки в стихийный ход капиталистического развития? Меньшевики отвечали: безусловно — нет, экономическая эволюция сама идет в том направлении, которое соответствует интересам пролетариата. Воспользоваться борьбой крестьян за землю пролетариат может и должен, но поддерживать ее, активно участвовать в ней не дело рабочего класса. Ленинская позиция в отношении крестьянства исходила из другой посылки: сделать Россию демократической можно лишь демократическим путем. А демократию в стране представляла не либеральная буржуазия, а мелкобуржуазное крестьянство, боровшееся против помещичьего

<sup>8</sup> Четвертый (объединенный) съезд РСДРП (апрель—май). 1906 г. Протоколы. М., 1959. С. 192.

<sup>9</sup> Плеханов Г.В. Полн. собр. соч. Л.-М., 1926. Т. 15. С. 394—395.

<sup>10</sup> Ленин В.И. Полн. собр. соч. Изд. 5-е. Т. 6. С. 317.

землевладения и способное довести борьбу до плебейской расправы над остатками средневековья.

Аграрный вопрос становится для Ленина оселком понимания специфики русской революции. Он начинает осознавать, что в России не капитализм (в том виде, в котором он развивался) перерабатывает, приспособливает для себя доставшиеся ему в наследство формы землевладения и хозяйствования, а наоборот, — переживания крепостничества и патриархальщины приспособливают к себе складывающиеся в недрах крестьянства буржуазные отношения, варваризируя тем самым ход общественного развития страны. Вот почему в капиталистической России с ее крупной промышленностью, средствами сообщения, банками, акционерными компаниями существует крестьянство и крестьянский вопрос. Социально разнородное по своему составу, крестьянство объединено враждебностью к помещику-латифундисту, ко всему существующему, помещицкому капитализму. При этом по мере развития капитализма в стране эти пережитки крепостничества осознавались крестьянами как все более злостные и нетерпимые.

Можно ли говорить о демократическом развитии России, не принимая во внимание крестьянства, вступающего в борьбу за преобразование всех видов старой поземельной собственности и уничтожение самодержавно-помещичьей политической «надстройки»? Для Ленина это было невозможно. Другое дело, что конституирование крестьянства как класса может быть оборвано на полпути, а может завершиться политическим самоопределением. Во всяком случае, и для Ленина стало неожиданностью, когда крестьянские депутаты («трудовики») заговорили во II Государственной Думе языком народников-интеллигентов. Старый русский социализм превратился неожиданно в непосредственную массовую идеологию и программу крестьянского движения.

Подождивая сказанное о разногласиях Плеханова и Ленина, большевиков и меньшевиков, подчеркнем: речь у них шла о противопоставлении двух способов вытеснения старого новым. Первые ориентировались на постепенное и «естественное» превращение крепостнической зависимости в буржуазную в ходе экономической эволюции. Для вторых условием такого превращения должна была стать крестьянская (разумеется, буржуазная) революция с рабочим классом в качестве вождя. Для первых ленинская идея национализации всех земель в результате «захвата власти» пролетариатом, чуждым собственностью, и крестьянством, жаждущим земли в частную собственность есть бланкизм («Бланкизм или марксизм — вот вопрос, который мы решали сегодня», — говорил Плеханов на IV съезде РСДРП). Для вторых небывалая в истории комбинация — наличие развитого рабочего класса в эпоху буржуазной революции, осложненной аграрным кризисом, требовала от социал-демократов новых смелых лозунгов. То, что Плеханов и меньшевики рассматривали как промежуточное звено между «чужой» буржуазной революцией «и своей», социалистической было для Ленина чем-то большим — новой Россией, новой не только в политическом (свержение царизма, конституция), но и в социальном отношении, новой по взаимоотношениям между людьми, между народом и властью, по психологии масс. Человек, по убеждению ко-

торого рабочий класс был и будет главным двигателем революции Плеханов не понял, что вмешательство пролетариата в ход событий превратилось в необходимость еще до того, как на повестку дня была поставлена его «собственная», социалистическая революция.

Если бы речь шла просто об общей теории марксизма, об общих принципах, то точка зрения Плеханова не вызывала бы возражений. Но в пространстве политики общие положения марксизма, верные для любой европейской страны, становились неправдой, как только их непосредственно, без конкретного анализа конкретной ситуации применяли к действительности. «... Есть граница, — справедливо подчеркивал Ленин, критикуя позицию Плеханова и меньшевиков, — перейдя которую вы превращаете эти бесспорные указания (марксизма. — *И.П.*) в сужение задач и размаха движения, в доктринерское забвение насущных политических задач момента»<sup>11</sup>. В отличие от Плеханова и меньшевиков, Ленин искал решение противоречий русской революции не в устранении социалистического пролетариата от политически неразвитых, склонных и к «пугачевщине», и к «Вандее» крестьянских масс, а в воздействии на них пролетарского авангарда, способного, как он думал, просветить и поднять к политической жизни самые широкие слои населения. Сплочение, просвещение, организация мелкобуржуазных масс, надеялся Ленин, явится итогом борьбы за новую Россию.

Но и, пожалуй, самое главное, самое глубокое, что разделяло их, — это проблема возможности *другой* формы *другого* типа исторической эволюции России. «Американский путь» буржуазного развития, который отстаивал Ленин, предполагал изменение «слепого» хода общественного развития действиями рабочего класса, крестьянских масс, «выбор пути», если угодно. Выдающийся критик народничества, каким был Плеханов, не мог принять подобного рода перспективу. Не отрицая правомерности крестьянской борьбы за землю, он решительно возражал против возведения ее в *принцип* социал-демократической политики. Отсюда вопросы, разделившие марксиста Плеханова и марксиста Ленина: насколько далеко может пойти рабочий класс и социал-демократия в поддержке «чужой», буржуазной революции, должны ли они воздержаться от крайних форм борьбы, способных окончиться созданием новой революционной власти, окажется ли в состоянии пролетариат повести за собой передовую часть крестьянской массы, какую позицию должна занять социал-демократия по отношению к либералам и т.д. и т.п.

После «Апрельских тезисов» их разногласия принимают уже стратегический характер: отныне их разделяет глубокая пропасть.

**Метод политического анализа.** Когда-то Ленин с грустью констатировал (см. его «Философские тетради»), что большинство марксистов не дали себе труда понять методологию «Капитала» Маркса. В еще большей степени это сетование можно отнести к творчеству самого Ленина: его типа мышления, а, в определенном смысле, и философия анализа действительности, которые оказались в большинстве случаев непонятыми. А между тем марксизм в од-

<sup>11</sup> Ленин В.И. Полн. собр. соч. Изд. 5-е. Т. 10. С. 356.

ном существенном пункте отличался от других учений: анализируя развитие противоречий капитализма, он искал их решение не столько в теории, изменении сознания, сколько в политической и социальной борьбе. Назначение общественной науки, по Марксу, в том и состояло, чтобы свести в высшем синтезе адекватное познание действительности и сознательное практическое самовыражение человека. Отсюда появление в марксизме «научного социализма», явившегося первым наброском стратегии борьбы рабочего класса за новое общество. И чем дальше развивалось рабочее движение, тем настоятельнее становилась необходимость разработки концепции, которая могла бы ориентировать политическую тактику революционных социалистических партий. Философия политического действия Ленина являет собой один из ярких примеров такого рода развития марксизма.

Задача данной статьи заключается в том, чтобы привлечь внимание читателей к эпистемологической стороне ленинского вклада в теорию политического действия. Как представляется, эта сторона ленинского типа мышления меньше всего привлекала внимание исследователей творчества Ленина. Но если говорить о философии политического действия, которую разрабатывал гениальный русский марксист, а не просто о политическом действии как таковом, то обойтись без анализа когнитивной стороны ленинского учения невозможно. Теоретическая новизна взглядов Ленина как политического мыслителя заключалась в числе прочего в том, что он сумел поднять проблематику и методологию марксистской теории на новый, более высокий уровень. С этой точки зрения мы и попытаемся соотнести марксов метод анализа общественных явлений и ленинское понимание марксизма как руководства к действию.

При всей общности в главном — и Маркс, и Ленин придерживаются материалистического понимания истории — между ними существует различие, которое не сводится к отношению: общее—конкретное, необходимость—случайность, закон—его применение. Их отношение — это скорее отношение основателя учения и продолжателя. Именно *продолжателя* — ученики и последователи редко поднимаются до этого уровня. А продолжает он, вернее, осмысливает и разрабатывает *деятельностную* сторону марксистской теории общественного развития, что связано с построением особой мыслительной действительности и решением особых задач.

Будучи родоначальником «научного социализма» и материалистического истолкования истории, Маркс, как ученый, намечает основные вехи нового воззрения на социализм и буржуазное общество, определяет наиболее общие моменты, ориентирующие пролетарское движение в целом. Предвидение новой эпохи основано у него на выделении в движении буржуазного общества постоянных тенденций, неразрешимых на его почве противоречий, выведенных им из скрупулезного анализа логики развития капитала. В рамках его теории действия рабочего класса выступают как реализация исторической необходимости, заключенной в капиталистическом экономическом движении. Разумеется, Маркс не сбрасывал со счетов классовую борьбу, процессы, происходившие в области политики, инициативу масс, способных «учить историю», прокладывая ей новые пути. Однако философия *политического*

действия в силу ряда обстоятельств не могла быть развита им, хотя и предполагалась его учением.

Маркс со своим энциклопедическим умом знал не только экономические, но и другие звенья исторического процесса, и их влияние на развитие общества. Пример тому — «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта», «Гражданская война во Франции» и т.д. — работы, являвшие собой образец широкого и всестороннего анализа конкретных исторических ситуаций. Но проблема состояла в другом: формируя материалистическое понимание истории, Маркс формализует, прежде всего, а иногда и исключительно фактор материальных производственных отношений. И хотя точка зрения Маркса, в отличие от его последователей, не «сведение» исторических явлений к движению экономики, а «выведение» из экономических отношений, это мало что меняет в основной эконоцентрической сущности его взглядов на историю. Поэтому-то в отличие от Гегеля Маркс, как отмечал Ленин, создал «логику «Капитала», а не «Логику» (с большой буквы).

Любой способ мышления историчен, обременен вытекающими из него последствиями, ограничениями, превращенными формами и т.д. А это значит, как отмечает С. Жижек: «кистина по определению является односторонней», зависящей от «*онтологического включения нашего сознания в реальность*»<sup>12</sup>. Именно здесь коренилась главная трудность истолкования марксовой теории, которое позже обернулось кризисом определенной исторической формы марксизма. Повторюсь, как ученый-экономист, Маркс, особенно в «Капитале», не рассматривает людей в качестве «свободных агентов» исторической деятельности. В заданной им мыслительной действительности он противопоставляет буржуазным иллюзиям объективную логику движения капитала, абстрагируясь от конкретных исторических перипетий. Вот почему, положив начало осознанию реальности, которую не замечала социальная наука прошлого. Маркс не разработал — да и в его время это сделать было бы невозможно — эпистемологию материалистического анализа политической, культурной и духовной жизни общества.

Характерно, что и Энгельс в конце жизни почувствовал (к сожалению, только почувствовал, не более того) ограниченность эконоцентрического взгляда на историю. «Экономическое положение — это базис, — разъяснял он в письме И. Блоху, — но на ход исторической борьбы оказывают влияние, а во многих случаях и определяют, преимущественно форму ее, различные моменты надстройки: политические формы классовой борьбы и ее результаты — государственный строй, установленный победившим классом после выигранного сражения и т.п., правовые формы и даже отражение всех этих действительных битв в мозгу участников, политические, юридические, философские теории, религиозные воззрения и их дальнейшее развитие в систему догм. Существует взаимодействие всех этих моментов, в котором экономическое движение как необходимое в конечном счете прокладывает себе дорогу

<sup>12</sup> Жижек С. 15 опытов о Ленине. М.: Ad Marginem, 2003. С. 31.

сквозь бесконечное множество случайностей...»<sup>13</sup>. Как видим, в конце 80—90-х гг. XIX в. Энгельс уже не может не считаться с превращением социал-демократии в политического субъекта и с появлением специфически политического типа мышления, отличного от абстрактно-социологического. Вот почему «экономическое движение» у него уже не просто определяет волю, сознание и намерения людей, а *«прокладывает себе дорогу»* через сонм случайностей неэкономического порядка. В известном смысле это коррекция, уточнение общетеоретического взгляда на исторический процесс.

Однако то, что Энгельс определяет как «случайность» (и это логично с точки зрения эконоцентрической картины), является на деле особой мысленной действительностью, требующей особых средств анализа. Для политической теории определение ее предмета как области «случайностей» по отношению к экономическому положению, базису, является не только недостаточным, но и по существу неверным. В ней речь идет не о том, чтобы предсказать, как «действительно» будет совершаться ход дел, — подобное «объективное» предсказание будущего лишено в ней смысла. Ее прогноз, коль скоро им занимаются, строго говоря, относится не к действительному, жестко детерминированному течению событий, а только к совокупности альтернатив, реальных в том смысле, что за каждой из них стоит борьба партий и классов за осуществление той или иной альтернативы. Во всяком смысле понимание хода событий начинается здесь с предельно точного, с полного описания исторически обусловленных отношений классов и партий. Поэтому цена частного, индивидуального, неповторимого колоссального возрастает. Они трактуются уже не просто как проявление неких общих законов, а как завязь, начало новых исторических тенденций. Меняется и исследовательская задача. Она заключается уже не в том, чтобы ухватить действительность с помощью наперед заданной теории человеческой эволюции. Здесь приходится, отталкиваясь от конкретного, контекстуального знания, выявлять, как и благодаря чему в обществе возникают те или иные характеристики и черты. А это уже иной подход к изучению действительности: нужно понять не просто объективное направление эволюции данного общества, а проанализировать механизм его изменения в конкретных условиях при данном соотношении политических сил, тогда экономические зависимости уже не могут рассматриваться в качестве причин, определяющих ход событий и действий людей. «Необходимость» выступает уже не в прежнем, сциентистски-онтологическом смысле («так неизбежно будет»), и уж тем более не в моралистическом («так должно быть»), а в конкретно-историческом, политическом смысле, ориентирующемся на ситуацию, волю определенной силы, на ее способность изменить в свою пользу соотношение сил в стране.

Как видим, превращение марксизма в руководство к действию сопровождается изменением онтологической картины действительности. Но этим дело не ограничивается. Переход теории на деятельностный уровень, связанный с индивидуализацией предмета анализа, выдвигает, в числе прочего, вопрос о

том, что такое объективность исторического процесса с позиции политического актора, — действующего лица исторической драмы. Продолжая линию марксовых «Тезисов о Фейербахе», Ленин начинает осознавать, что линия разграничения субъект—объект в политической действительности, не является неизменной, жестко фиксированной. Есть ситуации, когда размерность стихийного, «слепого» хода дел настолько велика, что деятельностью людей как «свободных агентов» можно пренебречь. В основном так представлял себе историческое исследование «классический» (и европоцентрический) марксизм. Но есть и другие, чреватые революцией ситуации, когда общественный процесс поляризуется, а политическая деятельность классов и масс становится главным фактором изменения действительности. Линия раздела субъект—объект в этом случае меняется, что позволяет существенно расширить познание действительности.

Проблема политического действия и связанного с ним преобразования типа мысли у самого Маркса и его соратника Энгельса не получила развития. Эпоха Маркса была небогата исторической самостоятельностью рабочего класса (восстание парижских рабочих в июне 1848 г., Парижская Коммуна), а пути, вызывающие эту самостоятельность оставались слишком неясными, чтобы теория политического действия могла бы принять у него сколько-нибудь разработанную и систематизированную форму. Отсюда сугубо теоретический, «алгебраический», как сказал бы Плеханов, подход к «научному социализму», достаточно редкие, если не считать эпоху 1848—1849 гг., выходы в политическую практику. Единственно, на что он смог повлиять, как ученый, теоретик, — это программный элемент возникших социал-демократических партий (ср. «Критика Готской программы»). Что же касается политической тактики этих партий, «политического видения» действительности, то развитие этой сферы социалистического движения происходит уже после смерти Маркса.

И все же не будем забывать, что общефилософский смысл деятельности в мыслительном освоении действительности раскрыл именно он, когда назвал практику совпадением изменения обстоятельств и человеческой деятельности. Из этого тезиса Маркса следовало не только то, что изменение обстоятельств невозможно вне деятельности, — именно на этом установилась теоретическая мысль К. Каутского, А. Бебеля, Плеханова и т.д., но и то, что изменить обстоятельства невозможно без *изменения самой деятельности*. Вот почему сознательная деятельность передового класса не сводится только к реализации вызревшего в действительности. Взятый в единстве с этой деятельностью исторический процесс чреват разными возможностями, а значит и способен к альтернативному развитию. «Обусловленная и потому ограниченная объективными условиями (деятельность пролетариата. — *И.П.*), — разъясняет это положение М. Гефтер, — она вместе с тем больше того, что в этих условиях предварительно содержится»<sup>14</sup>.

<sup>13</sup> Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Изд. 2-е. Т. 37. С. 394—395.

<sup>14</sup> Гефтер М.Я. Страница из истории марксизма начала XX века // Историческая наука и некоторые проблемы современности. М.: Наука, 1969. С. 30.

Подход Ленина к действительности с точки зрения политической практики рабочего класса изменяет само понятие объективного описания действительности. Появляется способ описания общественных процессов, который чужд «классическому», абстрактно-всеобщему по преимуществу пониманию действительности: в ленинской теории появляется мыслительный предмет, для которого существенным моментом выступает «индивидуальное» — соотношение классовых сил данного общества, политическая гегемония того или иного класса, его способность к историческому действию и т.п. Иначе говоря, объективному объяснению придается смысл более глубокий, более конкретный, чем тот, который был применен Марксом при анализе европейского капитализма. Это объяснение базировалось, разумеется, на понимании противоречий капитализма, открытых Марксом, но одновременно учитывало несводимость явлений классовой борьбы к чисто экономическим причинам (идея двух путей буржуазного развития связана с анализом экономической тенденции капитализма, но в своих послышках не сводится целиком к нему).

Чтобы охватить явления общественной жизни, пришлось расширить саму систему понятий, необходимых для описания данных конкретной действительности. В теории марксизма появляется новое свойство, связанное с исследованием специфического характера общественных процессов в *данной* стране, *данном* регионе. Это свойство ограничивает справедливость исторических законов, открытых Марксом и Энгельсом, очень большими периодами общественного развития, когда можно не принимать во внимание исторические «случайности» — ускоренное или медленное развитие процессов, ту или иную форму (тип) преобразований на базе капиталистического способа производства, наконец, политическую, идеологическую и культурную гегемонию определенного класса. В политической жизни подобному воззрению соответствует либо неразвитость классовой борьбы пролетариата, либо утрата рабочим классом исторической инициативы.

Предположение Ленина о своеобразии (индивидуальности) исторического процесса в данной стране привело его к отказу от уподобления развития капитализма в России процессам его генезиса в Западной Европе, к раскрытию ранее игнорируемых исторических предпосылок для однозначного применения понятий марксизма, обобщившего исторический опыт развития западно-европейского региона. Ленин первым среди русских марксистов приходит к выводу, что индивидуальная политическая ситуация в стране является столь же важным моментом определения объективного исторического хода дел, как и экономическое развитие. С этой точки зрения политический опыт одной страны, или даже группы стран, не может дать безусловного представления о свойствах политических процессов, характерных для капитализма, как универсального явления. Соответственно, ни один тип капиталистической эволюции не в состоянии исчерпать специфику того, что может происходить в реальной истории.

Это был окончательный отказ от «классического» истолкования доктрины Маркса, а, следовательно, радикальный пересмотр подхода к проблеме общественного развития, коль скоро в нее включалась деятельность классов и

масс. Речь шла не о том, чтобы отказываться от объективного (экономического) описания возникающих исторических ситуаций. Просто в марксистской теории благодаря Ленину появляется новый метод объективного исследования общественного развития. Впервые положение и характер деятельности политического субъекта рассматриваются как логическое выражение определенной познавательной ситуации. Оказалось, что эпистемологическая позиция субъекта определяется его положением, его политической позицией как индивида или целой общественной группы. Вместо единственного абстрактного субъекта познания науки, стоящего в одинаковом отношении ко всей исторической реальности, появляется множество политически-реализуемых позиций и связанных с нею точек зрения, различающихся системами отсчета. Понятие «истины» политического знания становится релятивным, не теряя, однако, своей объективной значимости.

В этой связи меняется и понимание идеологии. Для Маркса, точнее, в пределах его познавательной задачи, идеология выступала в одном единственном ракурсе — как искаженное перевернутое сознание. И хотя он знал, что самые странные идеи, укорененные в массовом сознании способны стать «материальной силой», его главной задачей было все-таки разоблачение идеологического сознания в противовес научному, материалистическому. С позиций философии политического действия картина меняется: на первый план выходит не ее состоятельность с точки зрения науки, а *историческое значение* той или иной идеологии. Как политик, человек действия Ленин походит не из абстрактно-научного сравнения доктрин и теорий, а из анализа исторической деятельности классов и масс, которые мыслят себя солидарными с той или иной идеологией. Когда идеология превращается в элемент исторического творчества масс, тогда ее оценка с позиций противопоставления иллюзорного реальному, становится недостаточной, теряет свой резон, потому что объективные задачи, стоящие перед тем или иным классом, уже невозможно рассматривать отдельно от вопроса о том, кем и как они осознаются.

Народнический социализм с точки зрения марксизма являлся, без сомнения, реакционной, мелкобуржуазной утопией. Но если Плеханов останавливается на этой позиции, то Ленин идет дальше, соотносит идейную оболочку народничества с интересами и поведением крестьянских масс в России. Тогда оказывается, что ограниченная, по ряду пунктов реакционная доктрина народников выражает на языке социалистической утопии устремления русского крестьянина, ограбленного «великой реформой» 1861 г.: его ненависть к помещику-латифундисту, к продажному чиновнику, его решимость по имя «справедливости» разделаться со всем полукрепостническим строем аграрных отношений в стране.

Ленин первым после Маркса и Энгельса делает новый важный шаг, логически следовавший из философско-исторических посылок марксизма: он ставит в центр своего внимания такой предмет, как политическое действие, изучение которого предполагает учет норм культуры, исторических традиций, ценностных ориентаций и т.п. Слов нет, в определенном смысле политика

является концентрированным выражением экономики, благодаря чему ее цель получает исторический масштаб и объективную значимость. В этом смысле признание специфического характера политической действительности и политического анализа отнюдь не означает произвольного отказа от общесоциологических закономерностей, открытых Марксом и Энгельсом. Специально научный, объективно-социологический взгляд необходим, чтобы, как говорил Ленин, «в зигзагах, изломах истории не затеряться и сохранить общую перспективу, чтобы видеть красную нить, связывающую все развитие капитализма и всю дорогу к социализму»<sup>15</sup>. Однако политическая позиция социал-демократии вырабатывается не только на основе общих исторических задач пролетариата, вытекающих из данного направления общественно-экономической эволюции. Той или иной партии, если это живая, борющаяся партия, приходится считаться в своей деятельности с особенностями общественной ситуации в стране, с изменением, порой крутым, конкретной социально-политической обстановки и соответственно переосмысливать задачи, связанные с новыми условиями действия. Исторически особая действительность каждый раз требует и особой формы марксистского анализа, конкретизации старых и создания новых понятий, схватывающих своеобразие данной политической ситуации. Только на этом пути марксизм оказывается не просто общей идейной платформой, а становится основой тактики сознательного авангарда, ориентированного на политическое действие.

Что касается Ленина, то для него не существовало одного, а вернее, единственного поля созерцания, в котором действительность предстает в «истинном» свете. Картина исторической реальности в ленинском анализе как бы двупланова. Прежде всего, в нее входят объективные (экономические) характеристики исторического процесса, без учета которых нет марксистского анализа действительности, однако эти характеристики образуют лишь общий план картины объекта. Вопрос о реальности других, более конкретных и подвижных характеристик движения общества утрачивает абстрактно-социологический смысл. Их определенность обусловлена познанием и действием реальных общественных сил. Более того, само появление сферы мысленной действительности, в которой ход событий определяется разрешением противоречий на политическом уровне, во многом связан с глубиной и размахом преобразований, проводимых прогрессивными классами. Экономическое же развитие выступает лишь в качестве общей детерминанты (направления) общественной эволюции.

В рамках ленинского подхода к анализу исторического процесса обобщенные характеристики, его исходные посылы достаточно гибко связаны с конкретными социально-политическими параметрами так, что одним и тем же значениям первых соответствует обширный спектр значений вторых. Благодаря такой гибкой связи для марксистской теории становится возможным вскрыть, отобразить различную степень изменчивости, подвижности в соотношении отдельных «уровней» исторической действительности и обуслов-

ленную этим разницу тенденций развития. С этой точки зрения будущее общественного процесса уже нельзя рассматривать как звено «естественного» ряда событий, будущего начала в прошлом и жестко обусловленное этим прошлым. Экономически ориентированный детерминизм, считавшийся у Плеханова и меньшевиков неременным и достаточным основанием для материалистического понимания истории, оказывается у Ленина слишком широким (или слишком узким), чтобы охватить своеобразие данного общественного развития.

Как политический мыслитель, стоящий на позициях исторического материализма, Ленин, в отличие от «ортодоксов», исходил из более глубокого понимания «необходимости» и «свободы». Действительность для него включает не только волю и действия других классов общества, творящих историю сообразно своим интересам, но, прежде всего, гегемонию рабочего класса, его решающее влияние на непролетарские массы. Как политик, он включает в сферу исторической практики не только реализацию уже выявившихся возможностей. Его точка зрения не ограничивается использованием в интересах пролетариата «реального хода событий»; она значительно шире, ибо охватывает не только данное, но и «должное», т.е. рассматривает историческое развитие общества в связи с потенциально возможным преобразованием практической деятельности революционных классов.

Появляется новое, совершенно особое «измерение» исторического процесса, в принципе чуждое старой механически-детерминистской картине, — его альтернативный характер. Повторения, регулярности, на которых базируется общественная наука, уже не могут рассматриваться, согласно ленинизму, как нечто абстрактно самодовлеющее, как существующее независимо от состояния общественного субъекта (классов и их борьбы). Не закономерность плюс индивидуальные отклонения, вызванные предшествующей историей и деятельностью людей, а закономерность как конфликт и равнодействующая объективных тенденций, заключающая в себе разные возможности исторического движения, — вот что должно, по Ленину, стать предметом рассмотрения. Соответственно этому и сама задача марксистского анализа формулируется иначе — шире, поскольку речь идет о том, чтобы выявить, учесть, свести воедино революционные потенции самой действительности, внутренние источники ее изменения, включая в эти источники и деятельность людей, вступивших в борьбу за переделку действительности; и уже, поскольку «ход событий» анализируется не в итоге, не в конечном счете, а каждый раз на определенной ступени процесса развития.

Ленинский социально-политический анализ обнаруживает такую действительность, в которой понятие исторического события теряет статус первичного и независимого от сознания и воли людей объекта. Правильно понять его невозможно, оставаясь в рамках «объективного» (в узком смысле слова) подхода. В самом деле, как уже отмечалось, в пределах общесоциологической теории сознательные действия индивидов, выпадающие из общего правила, закона, являются простой случайностью. Заранее предполагается, что индивидуальные отклонения, в конце концов, взаимно «гасят»

<sup>15</sup> Ленин В.И. Полн. собр. соч. Изд. 5-е. Т. 36. С. 47.

друг друга и не влияют на общий итог движения, который детерминирован экономически. Но в революционном движении, куда вовлечены массы, сознательные действия сотен тысяч и миллионов людей приобретают характер относительно самостоятельного фактора общественного развития. Действительность здесь обладает не просто более высоким рангом сложности, который можно учесть, прогнозировать, проводя через каждую «точку» большее количество социально-экономических «координат». Особенность в другом: ряд «координат» вообще нельзя определить заранее, «объективно», на основании установленных социологических соотношений — конкретная логика исторического творчества, исторического развития оказывается гораздо богаче, «хитрее», как выражался Ленин, чем то, что можно было ожидать, руководствуясь общей теорией. Речь в данном случае идет не о произвольном ограничении принципа детерминизма в общественной науке. Просто-напросто внутренний механизм осуществления исторической необходимости включает в себя такие элементы политического действия, которые предварительно, до начала революционных преобразований, не даны исследователю (соответственно классу, партии), а появляются, становятся очевидными по мере продвижения революции вперед, решения более «элементарных» задач.

Как марксист, сторонник исторического материализма, Ленин строго различал то, как представители борющихся классов России *осознавали* положение и задачи своего класса, и то, как представлялись это положение и эти задачи в свете объективного экономического анализа. Для него разграничение между субъективным и объективным являлось необходимым условием исследования общественных явлений, исходным положением марксизма как социальной теории. Вместе с тем он умел не застревать на азах, а идти дальше, постигать историческую ситуацию во всем ее своеобразии и оригинальности. Со вступлением основных классов российского общества на политическую арену, утверждал он, исторический процесс приобретает такие черты, которые переводят проблему субъективного, проблему долженствования в плоскость политического действия. На этом уровне развития действительности и соответственно ее анализа недостаточно оценивать идеологию (например, народничество) путем противопоставления иллюзорного — реальному, сознания — бытию. Недостаточно, потому что поведение тех слоев, которые мнят себя солидарными с определенными партийными программами, наполняют их действительным содержанием. Из доктрин и идеологий небольших групп идеи превращаются в важный элемент исторического творчества. Судить об объективных задачах, ставших перед тем или иным классом, уже невозможно отдельно от вопроса о том, как ведет себя, за что борется масса людей, которые идут под партийными лозунгами.

Конечно, гениальная мысль, составляющая основание всей марксистской науки об обществе, — идея объективного развития общества, определяет исследование и в данном случае. Исторические и экономические условия, в конечном счете, определяют сознание масс, общее направление прогрессивной эволюции общества. Однако гносеологический урок, преподанный ленинской

философией политического действия, заключается в том, что порознь эти факторы («материальное» и «идеальное», «объективное» и «субъективное», «условия» и «сознание») теряют в области политики научный социологический смысл. Они существуют в действительности и могут быть рационально поняты только в нерасторжимом единстве и взаимодействии, фокусом которого в ленинском учении является политическая практика. Противоположность «мышления» и «бытия», «идеологии» и «практики» теряет в политике свой абсолютный характер, становится подвижной<sup>16</sup>. Идеология, при определенных условиях, превращается в политическую практику, подтверждая мысль Гегеля о том, что «долженствование» и «бытие» способны отождествляться.

**Октябрьская революция: иллюзии и реальность.** Разумеется, люди, даже такие выдающиеся как Ленин, не являются чудодейственными творцами нового, того, что общество не могло бы создать без их участия. Но не следует забывать, что в критические, переломные моменты истории, когда переплетение антитетических условий требует изменения стратегии действий политических сил, выдающиеся личности, талантливые, героические или преступные, способны сказать свое *решающее* слово. Идейная эволюция Ленина как политика непосредственно вплетена в ткань тогдашних событий, борьбы, которая привела к Октябрьскому перевороту. Но не будем забывать, что осознание и ход событий далеко не всегда совпадают друг с другом, равно как и содержание исторической работы с ее осмыслением. Вот почему исследователь (а иногда и разводит) *осознание* большевиками смысла их действий и действительный *характер* задач, вставших перед революцией, отделять в своем анализе идеологию переворота от реальной практики. Особенно это важно, когда речь идет о вожде революции: он сам, его понимание момента и выработанная им тактика являются составной частью совершающегося события.

Либеральная, демократическая, монархическая публицистика у нас (хотя не только она) в последние два десятилетия немало потрудились над тем, чтобы привить широкой публике заблуждение, будто не представляет особых трудностей выразить огромный запутанный комплекс исторических явлений, получивший название «Октябрьской социалистической революции», в простых и очевидных понятиях («авантюра», «бланкистский переворот в немецких интересах и на немецкие деньги», «еврейский заговор» и т.п.). И уж тем более простой и очевидной ей представляется роль Ленина — идейного вдохновителя и вождя этой революции («демагог», «кровавый диктатор», «разрушитель культуры» и т.п.). Русская пословица гласит: «Простота хуже воровства». С приведенными выше оценками Октябрьской революции и роли в ней Ленина полемизировать не имеет смысла — они родом из мещанской антикоммунистической риторики, не имеющей ничего общего с наукой. Более содержательной по смыслу имеет полемика с традицией рассматривать

<sup>16</sup> См.: Пантин И.К. В.И. Ленин: тип политического мышления // Ленин как политический мыслитель М., 1981. С. 330—336.

Октябрьский перелом как *социалистическую* по своему характеру революцию. Вообще, проблема определения характера Октябрьской революции неизмеримо сложнее, чем это представлялось многим сторонникам социализма, включая Ленина, а сегодня и его противникам.

Когда-то в молодости Маркс попытался сформулировать свое понимание, которое должно быть установлено не как «идеал, с которым должна соотнобразовываться действительность», а как «действительное движение, которое уничтожает теперешнее состояние»<sup>17</sup>. Думается, что в этом и только в этом смысле («движение, которое уничтожает теперешнее состояние») пролетарский политический переворот 1917 г., положивший начало социальной революции в России, можно назвать социалистическим. На самом же деле сдвиг, который произошел в результате Октябрьского переворота, не уместается в рамки «только» социалистических преобразований. Социальный вопрос в России был неизмеримо шире, чем освобождение пролетариата, и включал в себя аграрную проблему, национальный вопрос, индустриализацию, изменение соотношения разных социально-экономических укладов, типа власти, культурный подъем населения и т.д., и т.п. Характер его определялся не столько противоречиями пролетариата и буржуазии, хотя и ими тоже, сколько конфликтом разных форм и средств приобщения страны к современной (естественно, в тогдашнем понимании) цивилизации, различием способов завоевания основных предпосылок развития страны. В процесс изменения было втянуто все политическое, экономическое и духовное пространство России, он был и сложен, и многомерен. Вот почему ни капитализм сам по себе, ни строительство социализма как таковое не выражают специфики постоктябрьского периода.

Октябрьский перелом, что бы о нем ни говорили сегодня, стоит у истоков рождения современной России, нащупывающей свой «естественный» путь развития. С этим трудно спорить. Вопрос, который нуждается в ином, чем принято, ответе, заключается в том, *какие задачи* стояли перед Россией, *каков характер изменений*, внесенных этой революцией в общественно-экономическую жизнь народов нашей страны. В наше время окончательно становится ясным, что ни одна из задач, решению которых был призван Октябрьский переворот 1917 г., не носил собственно социалистического характера. Хотим мы этого или не хотим, но Октябрьская революция была социалистической только *по идеологии и целям* руководящих групп, поддержанных частью рабочего класса. Что же касается сознания и устремлений массовых слоев населения — рабочих и крестьян, то ни по уровню культуры, ни по политической зрелости они не могли стать сколько-нибудь сознательными субъектами социалистических преобразований. Но, главное, пожалуй, заключается в том, что по своему экономическому содержанию революция не могла выйти за буржуазные рамки.

Проблема России заключалась не в том, что капитализм исчерпал ресурсы развития, — напротив, он быстро рос в начале XX в., — а в невозможности преодолеть с помощью такого роста старые, идущие от крепостнического

прошлого и новые, связанные с особенностями буржуазного развития страны, социальные диспропорции и антагонизмы. Прогресс, который не переставал быть буржуазным по своему экономическому содержанию, оказался невозможным в качестве «буржуазной меры» (Ленин). Создать условия для появления свободных земледельцев, завершить вековой сор миллионов крестьян с дворянской (и сросшейся с ней буржуазной) Россией стало исторической миссией пролетарско-крестьянской революции во главе с большевиками. Другое дело, завоевать эти более высокие условия прогресса в России оказалось невозможно, не затронув в ходе революции как первичные, так и более высокие формы капитализма. Переход после гражданской войны на позиции, соответствовавшие экономическим и культурным предпосылкам, существовавшим в России, обнажил это внутреннее противоречие революции и заставил Ленина и большевиков признать неизбежность рынка и буржуазных отношений, но теперь уже под эгидой пролетарской власти.

Сам Ленин непосредственно после свершившегося в октябре 1917 г. переворота очень осторожно высказался о его социалистическом содержании. Для него социалистический компонент переворота означал «радикальный аграрный переворот и обобществление, ограниченное «командными высотами» в народном хозяйстве, экономический контроль над мелкотоварной стихией, укрепляемый и корректируемый участием самой широкой народной массы (и рабочей, и крестьянской) во властвовании»<sup>18</sup>. «Госкапитализм» в сочетании в «государством типа Коммуны» — этот социально-политический сдвиг был бы не *введением* социализма, а движением к нему. Однако ход событий революции опрокинул эти ленинские наметки. Всеобщая национализация заменила концепцию «рабочего контроля», «командных высот». «Государство типа Коммуны» в условиях гражданской войны обернулось диктаторской властью аппарата управления. Продразверстка, вызвавшая недовольство крестьянства, сняла вопрос об участии во власти широких народных масс. Словом, ход событий привел к политике «военного коммунизма», к пролетарской диктатуре как ответу на обострение ситуации. Шанс продвигнуться к социализму, минуя якобинский террор, не осуществился.

Если попытаться ухватить источник противоречий большевизма, как идеологии и как политической деятельности, а, следовательно, и интеллектуального развития Ленина, выдвигаемых им идей и теорий, то его можно сформулировать, на наш взгляд, следующим образом: в *отсталой* стране («среднеслабого» развития капитализма), а именно такой была Россия в начале XX в., *передовая* партия вынуждена была принять активное участие в *передовой* революции по раскладу политических сил, по задачам и размаху преобразований, но все же несоциалистической. Большевики овладели государственной властью, но овладели, используя слова Энгельса «в то время когда движение еще не достаточно созрело для господства представляемого им класса и для проведения мер, обеспечивающих это господство»<sup>19</sup>. Именно

<sup>17</sup> Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Изд. 2-е. Т. 3. С. 34.

<sup>18</sup> См.: Гегфтер М.Я. Из тех и этих лет. М., 1991. С. 251.

<sup>19</sup> Маркс К. Энгельс Ф. Соч. Изд. 2-е. Т. 7. С. 422.

Октябрьский переворот и победа в гражданской войне явили большевикам глубокую пропасть, отделявшую их стремление к социализму от непосредственно окружавшей реальной действительности. Связанная доктриной и требованиями, вытекавшими — вновь используем слова Энгельса — не из данного соотношения классов, не из данного состояния условий производства и обмена, а из понимания общих результатов общественного и политического движения в передовых странах Европы, большевистская партия оказалась вынужденной искать *якобинские* способы решения вставших перед страной задач, носивших в принципе буржуазный характер. Такой ход событий предвидел П. Аксельрод, один из членов плехановской группы «Освобождение труда». Он писал еще в 1903 г.: «Если, как говорит Маркс по поводу Великой Французской революции, “в классически строгих преданиях римской республики борцы за буржуазное общество нашли идеалы и искусственные формы иллюзий, необходимые для того, чтобы скрыть от самих себя буржуазно ограниченное содержание своей борьбы», то отчего бы истории ни сыграть с нами злую шутку, облачив нас в идейный костюм классически-революционной социал-демократии, чтобы скрыть от нас буржуазно-ограниченное содержание нашего движения?»<sup>20</sup> Правда, одного, и, пожалуй, главного, не учел, (не мог учесть) Аксельрод: «идейный костюм классически революционной социал-демократии», который примерил к себе российский пролетариат в 1917 г., подвинул его на союз с крестьянской беднотой, середняками в деревне, что обусловило глубину социального переворота, гигантский размах революционной борьбы народных масс за новую Россию.

Если оставить в стороне собственно социалистические критерии, то мы должны рассмотреть пролетарское движение и Октябрьскую революцию 1917 г. в их исторической правомерности. Правомерность эта выходит за пределы аграрного переворота и свержения самодержавия. Фактически при всех ее колоссальных издержках революция совершила социальный переворот, уничтожила вековой антагонизм «белой» и «черной» кости, «барина» и «мужика», создала условия для культурного подъема «низших классов», дала сильнейший импульс экономическому и социальному развитию страны. Другое дело, что в силу жизненного положения, традиций народных масс («наинижайших низов», как выражался Ленин), от которых исходили преобразования, революция практически не затронула сферы государственности, не говоря уже о демократизации политической жизни. Тут дело не только в большевизме, но и в менталитете россиян. Историческое прошлое народов Западной Европы, богатое борьбой и уроками, создало тип современного гражданина, человека из народа, который сам относится к себе с известным уважением и которого вследствие этого вынуждены уважать господствующая власть и правящие классы. В России же многовековая работа самодержавия по искоренению всяких следов внутренней демократии в народе, чувства собственного достоинства у человека, произвол высших сословий, засилье чиновничества и бюрократии в повседневной жизни сформировали ментали-

<sup>20</sup> Аксельрод П. Искра. 1905, № 55, 15 декабря.

тет «простого человека»: рабочего, бедняка, мещанина, чьими характерными чертами было ожесточение плебея, гражданская пассивность, безразличие к политике, униженность перед властью, долготерпение. И не случайно, никакого сознательного стремления народных масс создать новый политический организм в стране не существовало. Даже Советы, организация вышедшая из недр рабочего класса, оказались не в состоянии конституировать народное правление. Для большевиков же ограничение *их* власти, откуда бы оно не исходило (даже от Советов) было уступкой «стихийности», предательством интересов революции.

В контексте такого понимания значения и роли Октябрьской революции следует сказать о Ленине как о зачинателе пролетарски-якобинской тенденции в освободительном движении России. Ленин не сразу приходит к идее якобинской партии. Ему пришлось преодолевать сопротивление товарищей по партии из лагеря меньшевиков, считавших вслед за европейскими социал-демократами, якобинство мелкобуржуазной идеей и практикой либералов. В борьбе с меньшевиками у Ленина окончательно складывается представление о социал-демократической партии как партии якобинского типа. Людей, не соглашающихся с этим, он без колебаний объявляет оппортунистами. «Якобинец, неразрывно связанный с организацией пролетариата, сознавшего свои классовые интересы, это и есть революционный социал-демократ»<sup>21</sup>, — утверждает он в «Шагах». Надо сказать, что тема якобинства социал-демократии оказалась глубоко укорененной во взглядах Ленина. Накануне Октябрьского переворота он критикует Временное правительство за неспособность действовать по-якобински. В 1918 г. он называет большевиков «якобинцами XX века», добавляя при этом нечто нелепое — «якобинцы без гильотины». Наконец, вся политика «военного коммунизма» была попыткой прорыва в будущее с помощью якобинских мер и средств. Стоит ли после этого удивляться непониманию партией сути НЭПа.

В этом пункте следует поподробнее сказать о понятии якобинства. Думается, глубже всего историческая роль якобинцев во Французской революции конца XVIII в. была раскрыта в «Гюремных тетрадах» А. Грамши. Он определяет якобинцев, прежде всего, как партию, которая толкала массу народа, в том числе и буржуазию, «на позиции более передовые по сравнению с теми, которые пожелали бы занять решительные на первых порах группы буржуазии и даже значительно более передовые по сравнению с теми, которые были возможны благодаря историческим предпосылкам». Их метод заключался в форсировании событий, но в особенности в «создании положения непоправимых совершившихся фактов». Именно решительные действия якобинцев, по его мнению, не позволили попасть французской революции в ловушки, расставленные старыми силами. Якобинцы, по Грамши, «противятся всякой промежуточной остановке революционного процесса и посылают на гильотину не только элементы старого общества, которое не хочет умирать, но даже вчерашних революционеров, ставших сегодня реакционерами». Вот почему

<sup>21</sup> Ленин В.И. Полн. собр. соч. Изд. 5-е. Т. 8. С. 370.

они «представляли не только непосредственные нужды и стремления французской буржуазии, но и революционное движение в целом как единый исторический процесс, потому что они представляли интересы будущего...»<sup>22</sup>. Думается, что большевики с их политикой насильственного развязывания энергии народных масс с тем, чтобы сделать их союзниками рабочего класса, с их «подталкиванием» разных групп и классов на позиции более передовые, чем это позволяли исторические условия, с беспощадностью по отношению к врагам революции и колеблющимся элементами как раз и были *российскими якобинцами*. То, что их идеология была социалистической, не меняет дела: в политической жизни следует проводить различие между идеологией партий и их действительной природой, представлениями о себе и реальной сущностью их политики.

Ленин был представителем как раз якобински-ориентированного марксизма — теории, побуждавшей российскую социал-демократию к революционному действию, направленному на создание нового равновесия сил, опираясь на решимость и волю рабочего класса (или, по крайней мере, части его), которому суждено, согласно Марксу, руководить всеми активными силами угнетенных и обездоленных. В то время, когда определение «марксистский» стало звучать все более общо и расплывчато, «революционный марксизм» оставался для Ленина символом веры. Однако при всем уважении к марксизму (к «духу марксизма», подчеркивал Ленин) он развивал самостоятельным и оригинальным способом преимущественно якобински-революционные его аспекты — учение о гегемонии пролетариата, о партии «нового типа», идею диктатуры пролетариата и пролетарского террора. Даже вынужденный двигаться самостоятельно (в последние годы жизни) Ленин не думает противопоставлять себя Марксу: просто на место марксизма, каким его представляла западная, «ортодоксальная» традиция, он ставит марксизм, учитывающий опыт России и стран Востока (см.: «О нашей революции»). Как показало развитие большевизма в России, якобинство несло с собой новые возможности борьбы за власть, превращая скрытое недовольство крестьянской массы нетерпимыми условиями жизни в открытое возмущение и восстание. В то же время он таил в себе и огромные опасности: организация пролетарских революционеров, захватившая рычаги власти, все меньше верит в способность народа к сознательному созидательному делу и все больше — в собственные бесконтрольные действия, в воспитательную силу расстрелов, концлагерей и т.п. Коренная идея марксизма — рабочий класс может освободить себя, лишь освободив все общество, — превратилась в устах российских якобинцев, клявшихся в приверженности социализму, в пустой звук, поскольку политические свободы, формирование гражданского общества, самостоятельность народа они относили только к заключительному этапу борьбы — к коммунизму. К несчастью, насилие коренилось в исторических и социальных условиях России, в культуре, традициях, психологии ее населения. Именно они породили *возобновляемость* военно-коммунистических методов

при каждом обострении противоречий в российском обществе, его неискоренимость, обусловившие формирование нравственных качеств и образа действий целой генерации большевиков, а также ту легкость, с которой Сталин одержал победу в партии, вопреки исходному началу революции.

Две тенденции — пролетарская и крестьянская, разных по характеру, по потенциям, на короткое время слились воедино в борьбе с общим врагом — дворянской и сросшейся с нею буржуазной Россией. Пределом якобинской политики большевиков стала весна 1921 г. Охваченные яростным недовольством прод[овольственной]разверсткой, крестьянские массы в ряде губерний восстали против большевистской власти. Лозунг «Советы — без коммунистов» стал знаменем этих выступлений (кронштадтский мятеж, антоновское восстание). Большевики были вынуждены изменить свою экономическую политику. Замена продразверстки прод[овольственным]налогом, а затем денежным налогом позволила выйти из хозяйственного тупика и резко сузить сферу насильственных средств по отношению ко всем трудящимся классам (недовольство выражали и рабочие) и к буржуазии.

НЭП [новая экономическая политика], однако, нельзя понимать только как уступку крестьянству. В более широком смысле он вводил революцию в ее исторически законные рамки. То, что во Франции было сделано в результате в результате свержения якобинской власти термидорианцами, в России стало вынужденной обстоятельством, но сознательно принятой победившей партией, политикой «самотермидоризации», которая не предусматривалась ни программой большевиков, ни их идеологией. НЭП явился стратегическим поворотом от методов Октября (и «военного коммунизма»), сводившихся к ломке старого общественно-экономического строя, к реформизму — введению рыночных отношений, оживлению торговли, предпринимательства, и последующему, по мере их оживления, государственному регулированию. Победившей пролетарской партии, располагавшей неограниченной политической властью, предстояло медленно, постепенно продвигаться вперед, завоевывая в области экономики, общественных отношений, культуры одну позицию за другой, делая завоеванное плацдармом дальнейшего продвижения. Революционно-якобинскую модель перехода к социализму предстояло преобразовать в еще не опробованную модель социалистического реформизма, что означало продвижение вперед на значительно более широкой основе, и обязательно вместе со всей массой мелких производителей, прежде всего крестьян.

НЭП поставил перед РКП(б) совершенно новую задачу — выработать политику пролетарской партии в крестьянской стране с незавершенным первоначальным капиталистическим накоплением. Впервые русские коммунисты оказались вынужденными делать то, что не предусматривалось никакой социалистической теорией, — довершать историческую работу буржуазии по индустриализации страны, подъему агрикультуры в сельском хозяйстве, реформированию народного образования решению национального вопроса и т.п. В этих, коренным образом изменившихся условиях меняется политическое

<sup>22</sup> Грамши А. Избр. произв., т. 1—3. М., 1957—1959. Т. 3. С. 363—365.

значение и смысл идеологии большевизма. Большевизм был правомерен, незаменим, когда речь шла о доведении до конца буржуазно-демократической революции в России: он связывал рабочий класс с широкими крестьянскими массами, организовывал отпор контрреволюционным силам, направлял энергию разрушения в исторически законное русло. Но когда была одержана победа в гражданской войне, и на повестку дня были поставлены созидательные задачи формирования нового сознания рабочего класса и его новой социализации, пролетарски-плебейские методы борьбы с имущими классами превращались в произвол, взяточничество и вымогательство со стороны советских чиновников. У простых людей не было легальных средств остановить это своеволие властей.

Но НЭП так и не стал длительной стратегией экономического, а тем более социального, развития России. При появлении первых серьезных затруднений в народном хозяйстве («ножницы цен», продовольственный кризис и т.п.) курс на рыночную экономику был свернут сталинским руководством. Страна вновь вернулась к методам «военного коммунизма». На причинах неудачи НЭПа и перехода к командно-административной системе следует остановиться особо.

Прежде всего, нужно подчеркнуть, что перемена курса партии и новая модель экономического развития вызвала у массы партийцев и сочувствующих партии своего рода психологический шок. Конечно, ленинская идея «самотермидоризации» была новаторской и своевременной. Но Ленин не учитывал одного, как оказалось, главного обстоятельства: «самотермидоризация» не вытекала из логики развития большевизма как практики и теории, а была навязана большевикам под угрозой свержения их власти. То, что для Ленина выступало как учет исторического опыта Европы в новых условиях, новой точкой зрения на социалистическую перспективу России, то для массы партийцев оборачивалось лишь одной стороной — временным отступлением. И это обстоятельство не было случайностью. Идея социального освобождения и до Октябрьского переворота 1917 г. отличалась у российских рабочих упрощенностью. Годы гражданской войны еще более усугубили дело. В сущности, социалистический идеал сводился для них к социальному равенству (на деле — уравнительности), которое должно быть осуществлено наперекор всем препятствиям «здесь и сейчас», путем насильственной ликвидации «буржуев», шире, всех зажиточных слоев населения России. Надо ли удивляться, что НЭП казался большинству партии только «передышкой», вынужденным отказом от социалистических принципов, отступлением, которое они должны были остановить, когда для этого появятся условия, а не стратегическим курсом «всерьез и надолго», чему в итоге пришел Ленин. Надо ли удивляться, что российским пролетариям, как когда-то санкюлотам, применение насилия во имя приближения лучшего будущего казалось чем-то органически свойственным строителям нового общества. К тому же они привыкли к стихии насилия во время недавней гражданской войны, где действия обеих сторон отличались исключительной жестокостью и невиданным упорством. И вот теперь, после победы над

буржуазией им предлагали кардинально иной путь развития: рыночная экономика со свойственной ей неравенством, призыв учиться хозяйствовать у побежденной буржуазии, сочетание товарного хозяйствования с гибким государственным регулированием, привлечение иностранного капитала и т.п. То, что НЭП стал прогрессом для страны, с этим спорить было трудно после периода голода и разрухи, но у рабочих и крестьянской бедноты были все основания не считать этот прогресс своим прогрессом.

Предчувствуя непонимание партийцами смены вех, Ленин предупреждал в статье «О значении золота теперь и после полной победы социализма» (1921): «Настоящие революционеры погибли (в смысле не внешнего поражения, а внутреннего провала их дела) лишь в том случае, — но погибли наверняка в том случае — если потеряют трезвость и вздумают, будто “великая, победоносная, мировая” революция обязательно все и всякие задачи при всяких обстоятельствах во всех областях действия, может и должна решать по-революционному»<sup>23</sup>. Если оценивать это предупреждение Ленина с политической теории, то оно означало одно: никакого абсолютизации средств революционного насилия, необходимость смены тактики и стратегии при каждом крупном повороте событий, на каждом этапе развития освободительной борьбы рабочего класса. Надо сказать, что эти предупреждения Ленина не возымели действие, а, следовательно, «внутренний провал» дела Октября становился неизбежным. Вехами нарастания опасности служили и несогласие Сталина с Лениным по национальному вопросу и полное непонимание (нежелание понять?) последних работ Ленина руководством партии, и отказ делегатов XIII съезда РКП(б) выполнить волю умершего вождя относительно перемещения Сталина с поста генсека, и разразившаяся вскоре борьба внутри ЦК, и многое другое.

И все-таки причины неудачи НЭПа вряд ли можно свести к психологии членов большевистской партии. Его истоки гораздо глубже. Как отмечалось выше, многие характеристики общественного развития, а тем более формы политического действия не могут быть даны исследователю (соответственно классу, партии) до начала революционных преобразований. Они проявляются, становятся очевидными по мере продвижения революции вперед. Большевикам в России, отмечал Ленин, надо было сначала взять власть, «ввязаться в бой», для того, чтобы увидеть «такие детали (с точки зрения мировой истории это, несомненно, детали), как Брестский мир или НЭП и т.п.»<sup>24</sup>. Если продолжить эту мысль Ленина, то придется признать, что социальный переворот выявил и такую важную «деталь», российской истории как господство в массе народа комплекса «деревенской культуры» (В. Пастухов) — мелкобуржуазной, анархической, рваческой. Нарушение соотношения двух культур — городской и деревенской, перекос в сторону «деревенской культуры» таили в себе громадную опасность для судеб развития страны, которая усугублялась двоякого рода обстоятельствами. С од-

<sup>23</sup> Ленин В.И. Полн. собр. соч. Изд. 5-е. Т. 44. С. 223.

<sup>24</sup> Ленин В.И. Полн. собр. соч. Изд. 5-е. Т. 45. С. 381.

ной стороны, победа революции обнаружила неготовность рабочего класса к политической и культурной гегемонии в ее государственной фазе. Вчерашние выходцы из деревни городские рабочие по своей политической культуре, по жизненным установкам, по психологии, наконец, мало чем отличались от крестьянской бедноты. Гражданская война и хозяйственная разруха еще более обостряли ситуацию: о пролетариате как особом классе российского общества после победы революции можно было говорить только *cum grano salis*, условно. С другой стороны, гражданская война и массовая эмиграция буржуазных элементов, научно-технической и гуманитарной интеллигенции нанесла сильнейший удар по городским культурным слоям, «образованному обществу», как выражались раньше. Буржуазия была разгромлена, большая часть её бежала за границу, статус культуры как таковой резко снизился, что привело к тому, что «культурный капитализм» в России некому было строить.

В этих условиях большевистское руководство очутилось перед трудной задачей удержать страну от сползания к хаосу мелкобуржуазной, крестьянской стихии, создать обстановку и условия, при которых «город» (в широком, социокультурном смысле, разумеется), городская культура вновь бы превратились в ведущий фактор общественной эволюции страны. Иностранные концессии, государственный капитализм, кооперирование деревни, развитие промышленности, культурная революция и т.п. — все это составляющие ленинской стратегии, призванной восстановить гегемонию города над деревней, городской культуры над деревенской. Правда, для Ленина они выстраивались в социалистическую перспективу — марксист даже в этих условиях брал у него верх. Эта несущественная, на первый взгляд, aberrация политического сознания имела для судеб российского общества далеко идущие последствия. Десятилетие спустя решение этих задач будет объявлено «переходом к социализму», а предпосылкой такого перехода станут свертывание НЭПа, форсированная индустриализация и насильственная коллективизация деревни. Сталинский вариант «ускорения истории» сомкнется с традиционным для России типом развития путем «революции сверху», когда власть, ломая прежние уклады жизни, *насаждает* новые отношения, сообразные, по ее мнению, требованиям «прогресса». Интересы развития страны при этом будут вырваны из сферы самостоятельности общества и противопоставлены ему в качестве предметов правительственной деятельности. По традиции, идущей от Октябрьской революции, новый строй, созданный такими средствами, назовут социалистическим, а террор против своего народа — «классовой борьбой».

Как выдающийся политик и организатор Ленин уловил некоторые важные пороки работы руководящих органов партии и государства, угадал и предвосхитил немало существенных сторон психологии аппарата победившей партии. Но каковы организационные меры, которые он предлагал в качестве инструментов совершенствования деятельности партийных и советских органов? Главные из них — улучшение состава ЦК [Центрального комитета] партии за счет включения в него рабочих от станка и крестьян от

плуга, превращение Пленумов ЦК в высшую систематически работающую инстанцию, образование ЦКК—РКИ [Центральной контрольной комиссии—Рабоче-крестьянской инспекции] с функциями контроля над всеми органами государственного аппарата, придание руководству нового органа прав, равных правам ЦК. Другими словами, были намечены реформы преимущественно внутрипартийного порядка (которые касались лишь верхушки правящего слоя). Что же касается преобразований, способных породить в народе политическое сознание, — а это необходимое условие формирования современной демократии — то они не предусматривались даже в перспективе. Впрочем, ни о какой демократии речь идти не могла: политическая власть народных масс была сведена к фикции — Съездам Советов, в которых доминировали большевики.

Революционная партия, поднимаясь к вершинам власти, ни перед кем не несла ответственности. «Диктатура пролетариата» в этих условиях не нуждалась больше в одобрении масс; она стала властью *для* народа, но отнюдь *не посредством* народа. Все было подчинено сохранению власти партии, которая становилась партией-государством. Политическая борьба понималась ими только как применение грубой силы, высокомерие победивших якобинцев, страх перед внутренней и внешней контрреволюцией толкали их на подавление любого инакомыслия, любой вспышки недовольства. Чего стоит, например, высылка из России на Запад большой группы интеллектуалов, расстрел ЧК [Чрезвычайной комиссией] — с согласия Ленина — поэта Н. Гумилева, физическая расправа с тысячами «бывших», «расказачивание», стремление во что бы то ни стало дискредитировать церковь и т.п. Все это свидетельствует о том, что отход от якобинизма в политике проходил у Ленина тяжело, со срывами и отступлениями назад. Даже поворачиваясь лицом к новым общественным потребностям, он по-прежнему мыслит политическое действие только сверху вниз, но никогда наоборот. Наконец, в условиях, когда понятие «социалистический» начинало звучать по-иному, Ленин больше всего беспокоится о сохранении «единства партии», закрывая глаза на то, что такого рода единство означает исчезновение свободы мнений внутри партии, любого рода достойного противодействия руководству, любой попытке мыслить самостоятельно. И это в период, когда поиск ценностей, которые бы сменили слепую веру во всемогущество якобинских рецептов, становится условием продвижения партии вперед, залогом ее превращения в партию демократических и социалистических реформ.

Надо ли удивляться после этого столь легкой победе якобинской тенденции в партии, отмене НЭПа как концепции постепенного, через рынок, перехода к социализму, «ликвидации кулачества как класса» и переходу к насильственной коллективизации сельского хозяйства? Сталинское большинство украсит себя именем ленинцев и будет объяснять чудовищный террор в терминах «марксизма-ленинизма». Самостоятельное движение рабочего класса окажется прерванным. Сформируется советское государство, пролетарское (или «общенародное») по названию, но антидемократическое и эксплуататорское по существу. Плебейская часть народа воспользуется ситуацией и

создаст себе прочные позиции в государственном аппарате. Российский социализм сведется к огосударствлению производства, общественной жизни и культуры, к тоталитаризму.

В России в начале XX в. сложилась спрогнозированная в свое время Марксом ситуация, когда рабочий класс поручил возможность осуществить движение и «в своих собственных интересах» (Маркс), и в интересах большинства населения страны. Историческая перспектива, открывавшаяся в этом случае перед страной, потребовала от русских марксистов решительного переосмысления теории и практики социал-демократических партий Западной Европы, и, прежде всего, того понимания буржуазных революций, которое было сформулировано самими Марксом и Энгельсом. Главный пункт ленинской концепции революции — возможность перевода общественного развития России, где уже ясно обозначилась, но еще не восторжествовала вполне тенденция капиталистического развития, на другие рельсы путем вовлечения в процесс социальных изменений новых сил, прежде всего, крестьянства. При этом расширение состава сил, способных к борьбе, означало открытие нового типа буржуазной эволюции, альтернативного существующему («американский» путь развития в противовес «прусско-юнкерскому»), обоснование руководящей роли рабочего класса в русской революции, наконец, переформулировку проблем и самой задачи марксистской теории революции. В конечном счете, эта задача стала звучать так: выявить объективную необходимость отклонения буржуазного пути России от европейской «нормы», учесть, свести воедино все, что историческая особая действительность страны вносит нового в буржуазные преобразования, совершающиеся на ином, более высоком исторической витке, включая в «особое» и деятельность людей, вступивших в борьбу за переделку этой действительности.

Октябрьская революция коренным образом изменила политическую ситуацию в стране и значение большевизма. В определенном смысле Октябрьский переворот вытекал из ленинской концепции гегемонии пролетариата в русской буржуазной революции, хотя власть рабочего класса никогда прежде не провозглашалась в ней целью, непосредственной политической задачей революции. Но теперь, начиная с Октября 1917 г., гегемония переходит в более высокую и самую трудную фазу — *государственную*, когда российскому рабочему классу предстояло создать новый, пролетарский аппарат управления страной и обеспечить свое политическое и культурное доминирование в обществе. Необходимость насильственных мер для подавления сопротивления буржуазии и гражданская война позволяли до поры до времени скрывать неразработанность теории большевизма в этой области и неготовность большевиков к государственной работе. Дело даже не в том, как правильно подчеркивают многие, что способ действий большевиков обогнал социально-экономический процесс, — в последних своих работах Ленин будет доказывать возможность и необходимость для России перехода к социализму с «другого конца». Проблема заключалась в другом: если *захват* власти Советами в чрезвычайных условиях осени 1917 г. был понятен

для большинства и в определенном смысле правомерен как единственный выход из политического кризиса, то *удержание* во что бы то ни стало этой власти, а тем более «строительство социализма» путем усиления «классовой борьбы» означали развязывание якобинского террора, гражданскую войну, диктаторские методы управления. Страна была не готова к переходу к социализму, как не готов был к нему и пролетариат России. К тому же классовое насилие в новых условиях полностью теряло свой резон, якобинские средства уничтожали социалистическую цель. По-видимому, здесь берет свое начало трагедия русской революции и политическое поражение Ленина.

НЭП был вынужденной мерой пролетарской власти своего рода передышкой, периодом перегруппировки сил. Собственно говоря его, так и рассматривало большинство членов РКП(б), за исключением, пожалуй, Ленина и небольшой группы партийных интеллигентов. Но и они не представляли всей громадности поставленной НЭПом задачи — *переоткрытия заново социалистической перспективы*. Должен был измениться сам тип движения к социализму. От установки на непримиримую классовую борьбу нужно было переходить к политике исторического компромисса, что много позже, спустя десятилетия, осознают итальянские коммунисты. От движения, понимаемого как достижение социальной однородности внутри страны, достигаемой за счет господства крупной промышленности в экономике и рабочего класса в общественной жизни, нужно было совершить переход к совершенно новому, никем не изведанному пути общественного развития — к сосуществованию экономических укладов в условиях рыночного хозяйства при регулирующей роли пролетарского государства. Разнообразие культуры и форм хозяйствования становилось бы в этом случае фундаментальной нормой и условием общежития народов России. Не «подтягивание» страны до уровня одного, считающегося *передовым*, экономического уклада, а постепенное, шаг за шагом преодоление отношений капитализма во всех сферах общества, цивилизаторская работа с азов, заново открываемых азов, поиск такого единства основных классов российского общества, которое считалось бы со старыми и новыми различиями, наконец, возможность разным народам выбирать себя, свои формы движения к лучшему будущему — такого рода социалистическая перспектива противоречила не только военно-коммунистическим предрассудкам большинства членов РКП(б), значительной части рабочего класса и крестьянской бедноты, но и марксистской доктрине «индустриального социализма», не говоря уже об условиях существования нового государства во враждебном внешнем окружении. Несколько переиначив Герцена, можно сказать: «эмбриогения» ленинской мысли оказалась в противоречии с логикой «классического» марксизма. Интеллектуальный прорыв Ленина остался только личным достижением выдающегося мыслителя. Развить, расширить его в России, а тем более на Западе, было некому. Победа Сталина в такой обстановке сначала становится возможной, а затем, — после уничтожения ленинских кадров партии, — и неизбежной.